

Антон Аммосов / Фото из личного архива

24.04.2019, 17:34 Саха Якутия

свой опыт

Избиения, увольнение и угрозы пытками: рассказ задержанного за комментарии о ФСБ

В Якутске либертарианца Антона Аммосова в ноябре 2018 года задержали сотрудники ФСБ. Его избивали в машине и угрожали пытками. Потом был обыск, увольнение с работы и еще один обыск. Все из-за того, что он комментировал новости про **дело «Сети»** и **взрыв в здании ФСБ** в Архангельске. Антон Аммосов рассказал ОВД-Инфо, что с ним происходило в последние месяцы и как изменилась его жизнь, после того как в ней появилась ФСБ.

Тогда я еще работал системным администратором в Северо-Восточном федеральном университете имени Аммосова. Вечером 20 ноября 2018 года мне позвонил мой начальник. Он сказал, что завтра мне нужно подойти в отдел кадров с паспортом к восьми утра. Я этому очень удивился, потому что отдел кадров работает с девяти часов. Но он настоял, что нужно именно в восемь и дело срочное.

На следующий день я приехал в университет в обозначенное время. Там меня принимал замначальника отдела кадров — я удивился, почему этим занимается лично он. Он взял мой паспорт и вышел минут на пять. Сказал, что нужно снять копии, говорил мне какую-то чушь про проблемы с базой данных. Я так понимаю, это для чекистов нужно было. Я слышал, как он с кем-то говорил по телефону, но не придавал тогда этому значения. В отделе кадров я пробыл минут 10–15.

Я вышел на улицу и собирался идти на работу — в другой корпус. Успел пройти несколько метров. Звук открывающейся боковой двери фургона. Люди в масках и с оружием валят меня на снег. «Лежать, сука!» — кричат они. Меня бьют, застегивают за спиной наручники, натягивают шапку до носа. Я ничего не вижу. Меня затаскивают в фургон — машина тут же трогается.

Меня кладут на передний ряд сидений таким образом, что мои колени оказываются на полу. Из-за шарфа и натянутой на лицо шапки я начинаю задыхаться. Меня бьют по спине, по почкам, по ягодицам. Несколько раз ударили по голове, но когда я закричал, что у меня инвалидность — глаукома, бить по голове перестали.

Когда я спросил, за что меня задержали, в ответ меня начали бить еще сильнее. Один человек то ли сел мне на спину, то ли надавил на нее коленом. Он выкручивал мне пальцы, пытаясь разблокировать ими мой телефон. Но на моем смартфоне не было датчиков отпечатков

пальцев. Давивший мне на спину стал выворачивать мои мизинцы. Он говорил, что сломает их, если я не назову пароль от телефона. Затем он сказал, что сейчас меня привезут куда надо и будут пытаться током. Подключат к динамо-машине. Кто-то из эфэсбэшников начал цитировать комментарии, которые я оставлял к новостям на региональном новостном сайте ykt.ru.

В них я писал про то, что эфэсбэшники фабрикуют уголовные дела и пытаются людей динамо-машиной. Я писал там про дело «Сети». Писал про парня, который взорвал себя в Архангельске. Еще была какая-то новость про задержание из-за поста во «ВКонтакте», и тогда я тоже написал что-то не очень лестное про них. Так мы ехали минут двадцать. Всю дорогу меня били, постоянно угрожали пытать током.

УФСБ в Якутске / Фото: скриншот из Google maps

Машина остановилась. Меня резко подняли и куда-то потащили. По пути они меня постоянно роняли на мраморный пол. Я много раз ударялся коленями. Еще меня специально били всем телом о дверные косяки и колонны. Было больно. Они шутили о том, какие они неуклюжие, и говорили мне подниматься каждый раз, когда меня роняли. Если я не мог встать сам — они дергали меня с двух сторон за руки. Наручники впивались мне в запястья.

Меня завели в какое-то помещение. Глазами я мог видеть только пол и свои ноги. Все это время шапка была натянута мне на лицо. Меня поставили к стенке, начали потрошить мой рюкзак. С меня сняли шапку, спросили про лекарства в рюкзаке. Тогда я их увидел. Пять человек в песочной форме, в масках-балаклавах. Здоровые, высокие, с голубыми глазами — не местные. Видимо, это специфика национальных республик, что они не берут местных на работу в ФСБ.

Меня спросили про лекарства, затем обратно натянули шапку на глаза. Они сказали, что сейчас пойдут есть мясо, а когда вернутся — будут пытаться меня током при помощи динамо-машины. Мне было очень страшно, и я не понимал, что происходит. Мне так до тех пор не сказали, за что меня задержали.

Через какое-то время пришел оперативник ФСБ без маски, тогда я подумал, что это следователь. Он начал меня спрашивать про пароль на телефоне. Я стоял в шапке у стены. Молчал и не разговаривал с ним. Тогда оперативник сказал, что позовет ребят в масках, и они со мной «поработают», а я все равно все расскажу. Так что в моих интересах дать пароль, чтобы меня сильно не мучили. Тогда я сломался и сказал пароль. Оперативник обрадовался.

С меня сняли шапку, посадили на стул.

— Что вообще происходит? За что вы меня задержали?
— спросил я его.

— Ты сам знаешь, — ответил оперативник. Он сказал, что они давно за мной следят, на меня у них есть папка и ему приятно лично познакомиться.

Почему меня задержали, я узнал только через несколько часов.

В кабинет вошел майор. Он рассказал, что кто-то на форуме сайта ukt.ru разместил картинку с угрозами в адрес ФСБ. И они думают, что это я. По их словам, пост был отправлен с помощью приложения Tor, а IP уходит в университет. В ответ я сказал, что я этого не делал, а в университете 20 тысяч студентов и шесть тысяч сотрудников, и у всех — один и тот же IP-адрес. У меня сложилось впечатление, что майор не очень хорошо в этом разбирается. Он говорил, что в ФСБ контролируют ватсап и телеграм и все читают.

ДОПРОС

Когда они разблокировали мой телефон, они начали задавать вопросы о том, как я отношусь к анархизму, знаком ли я с Михаилом Жлобицким, как я к нему отношусь, какие у меня политические взгляды.

Спрашивали про телеграм, что я делал в чате «Речи Бунтовщика», собирал ли я там единомышленников.

Спрашивали, что я думаю про Путина, про Россию, про Навального.

В сам чат я зашел ради интереса на один-два дня. Я узнал о нем из новостей о взрыве в Архангельске. Посидел там, пописал, вышел и вообще забыл про это дело. Ну и в чат я не писал ничего такого.

Во время допроса мне стало понятно, что я у них есть в каких-то списках. В них я мог попасть из-за выступления на антикоррупционном митинге в Якутске в июне 2017 года.

В этом кабинете я пробыл около восьми часов. Это такое помещение три на четыре метра без отопления. Я был пристегнут к стулу наручниками. Адвоката мне не давали.

Они угрожали меня расстрелять, говорили, что таких предателей как я надо ставить к стенке, удивлялись моей национальности. Говорили, что я первый якут, который содержится у них по такой статье. Угрожали оставить меня в СИЗО ФСБ. Оперативник говорил мне, что убил много людей, и просил ему дать только повод, чтобы избить меня или покалечить.

СИЗО №1 по республике Саха, куда угрожали отправить Аммосова /
Фото: скриншот из Google maps

Если им не нравились мои ответы на вопросы, то мне угрожали людьми в масках. Приходилось говорить то, что они хотели от меня услышать. Мне рассказали, что дома

у меня проведут обыск и будут искать бомбу или материалы, из которых ее можно сделать.

Часов в пять вечера меня перевели в другой кабинет, с окнами. Я понял, что вечер, потому что на улице стемнело. Пришел государственный адвокат. Я ему рассказал, что меня били, мне угрожали. Ему было по барабану. Нигде в бумагах он это не упомянул. Поставил подписи и ушел. В ФСБ я пробыл примерно двенадцать часов — до девяти вечера. Все это время мне не давали есть, мне не давали пить, мне не давали позвонить. Жена не знала, что со мной случилось.

Супруга думала, что меня сбила машина или я умер. Она обзвонила все морги. Меня искали все мои родственники, потому что я никогда так не пропадал. Жена уже собиралась ехать в полицию, когда меня домой привезли эфэсбэшники. Супруга заплакала, когда нас увидела.

Они показали бумагу о том, что обыск проводится из-за комментария. Сфотографировать постановление нам не дали. Само разрешение об обыске выдал суд в пять часов вечера того же дня. То есть уже после того, как меня задержали.

Обыск занял часа два. Они изъяли два стационарных компьютера, рабочий ноутбук, флешки, жесткие диски, роутер и телефоны. Сказали мне срочно купить новый телефон, сим-карту и прийти в ФСБ на следующий день к часу.

Мне сказали, что против меня хотят возбудить дело об оправдании терроризма из-за того, что под новостью о взрыве в Архангельске я написал: «Молодец парниша». Про это сообщение они узнали из моих слов во время допроса. Я вообще думал, что всё началось из-за этого, но, как выяснилось дальше, они не знали об этом сообщении. Мои сообщения в телеграме и комментарии под новостями направили под лингвистическую экспертизу.

В тот день я смог уснуть только под утро. Следующие три дня я вообще не ел — не было аппетита. В ФСБ я стал ходить как на работу. Меня вызывали туда почти каждый день. Меня снова спрашивали о моих политических взглядах и что такое анархизм. Я ответил, что не поддерживаю эти идеи, а сам себя идентифицирую как либертарианца, но не радикального. Я считаю, государство необходимо, но только нормальное, а не такое, как у нас. Спрашивали и про Навального, я сказал, что поддерживаю его.

ПОБОИ

Из-за того, что на следующий день меня вызвали в ФСБ, я не смог снять побои. В травмпункт я попал только 23 ноября. Там отказались фиксировать побои, когда я сказал, что меня избили эфэсбэшники. Меня выгнали из травмпункта, сказав, что им не нужны проблемы, и посоветовали обратиться в бюро судмедэкспертизы.

Когда я туда пришел, они сначала согласились снять побои, но как только узнали, кто мне их нанес, меня выгнали из кабинета и потребовали направление из Следственного комитета. Адвокат, которого помогла мне найти мама после произошедшего в ФСБ, посоветовал мне пойти в поликлинику и снять побои там, но не говорить, от кого они получены. Иначе опять откажут. Я так и сделал. Врач зафиксировала общие побои, ушиб мягких тканей в области спины, ягодичной области слева, обоих коленных суставов. Под вопросом ушиб почек. Врач-офтальмолог выписала мне капли. Дело в том, что летом 2018 года у меня была операция на глазу с глаукомой, и мне поставили имплант. После того как меня били в фургоне, не давали капать капли в ФСБ и я стоял в наклоне, чего мне делать категорически нельзя, у меня ухудшилось зрение на этом глазу.

УВОЛЬНЕНИЕ

Через несколько дней я узнал, что 21 ноября, в день моего задержания, сотрудники ФСБ приходили ко мне на работу в университет около двух часов дня. Они изъяли два моих рабочих стационарных компьютера, все ноутбуки, что были в кабинете, причем они были не мои. Три принтера, один из которых был нерабочим, роутеры, флешки, блокноты. Также из университета пропала видеозапись с камер наблюдения, на которой видно как меня похищает ФСБ.

28 декабря меня к себе в кабинет вызвала ректор — Евгения Исаевна Михайлова. Она спрашивала, что произошло, почему ко мне приходили силовики, спрашивала про мои политические взгляды. После этого она сказала, чтобы я написал заявление по собственному желанию. Я сказал ей, что не хочу. В ответ она заявила, что такие, как я, подрывают имидж университета. Всячески поносила Навального. Говорила про Путина, что он самый лучший президент и что пусть он правит вечно. Это дословно.

После того как я отказался, Михайлова сказала, что она вынуждена как-то отреагировать на произошедшее, чтобы показать ФСБ, что она меня наказала. Предложила на время уволиться, а затем она якобы обратно возьмет меня на работу в новый отдел. Туда я, к слову, не против был бы перевестись. Но ей я, конечно, не поверил.

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова /
Фото: скриншот из Google maps

Когда я вышел на работу после новогодних праздников, то через несколько дней случайно узнал, что, оказывается, был уволен еще в конце декабря. Коллега имеет доступ к базе 1С. Там сказано, что я написал заявление

на увольнение 29 декабря. На следующий день после встречи с ректором. Но это была неправда.

В отделе кадров пытались всячески отмазываться, говорили, что уволили, чтобы перевести на другую должность. Предлагали подписать заявление об увольнении задним числом. Я на это не согласился. Но потом начальница отдела кадров сказала мне, что звонили из ФСБ. И она подумала, что это сигнал к увольнению. Но явно решение об увольнении она приняла не сама. Ей сказала ректор.

Когда я сказал эфэсбэшнику, который вел мое дело, что меня увольняют, он сказал, что позвонит и узнает, в чем дело. После этого меня перевели в другой отдел. Там мне дали работу не по моему профилю — с бумагами. Меня перевели на работу, которую я вообще не знаю, как делать. Посадили в самый холодный угол. Дали старый компьютер. Через две недели я уволился. Я так понимаю, в этом и был весь смысл. После этого я устроился работать в центр технического творчества. Там я сейчас преподаю детям робототехнику. После Нового года на допросы в ФСБ меня вызывать перестали.

ЕЩЕ ОДИН ОБЫСК

2 апреля в шесть утра в нашу квартиру позвонили сотрудники полиции и Следственного комитета. Они потребовали открыть дверь. Силовики показали нам постановление об обыске, выданное Басманным судом Москвы. Цель обыска — изъять электронные носители, на которых может быть переписка со Жлобицким. По делу я прохожу как свидетель.

Мне сказали, что я переписывался со Жлобицким под именем то ли Петра Васильева, то ли Василия Петрова во «ВКонтакте». Но я не зарегистрирован в этой соцсети уже много лет. Так что это полная чушь.

Во время обыска они **изъяли** два стационарных компьютера, флешку, жесткий диск и два телефона. Потом меня увезли на допрос в Следственный комитет. Снова расспрашивали про Жлобицкого.

Через несколько дней мне снова позвонил оперативник из ФСБ. Он ругал меня, сказал, что я что-то от него скрыл, раз ко мне пришли из СК. Сказал, что я был не искренен с ними (с ФСБ). Угрожал, что я попаду в списки неблагонадежных граждан, мне запретят работать в госучреждениях, а с нынешней работы — уволят.

Ещё почитать

28.11.2025 Саха Якутия, Хабаровский край

Якутскую журналистку осудили на три года колонии по делу об оправдании терроризма